

Н. И. КАРЕЕВ

Отзыв о сочинении г. Цветаева под заглавием — «Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках»

I

<...> Продолжительное, как заявляет сам г. Цветаев в предисловии, «пользование как изданными, так и неизданными материалами» упомянутого архива*, конечно, и дозволило ему явиться с многочисленными поправками к трудам своих предшественников. Между прочим, автор нередко ссылается и на первую часть изданных им «Памятников к истории протестантства в России»¹, а местами отмечает, что то или другое из найденного им у других писателей не подтверждается архивными данными или что о том-то раньше в печати не упоминалось (с. 32, 51, 56, 73, 117, 167, 257, 318, 462). Одним словом, со стороны материала и способа им пользоваться сочинение г. Цветаева с первого же просмотра производит впечатление вполне самостоятельного труда, основанного частью на неизвестном прежде материале, тщательно собранном в архивах, частью на кропотливом изучении изданных источников и обширной литературы**, и нужно заметить, что, рассматривая исследование, все более и более убеждаешься, что первое впечатление

* Автор в предисловии, кроме главного архива Мин. иностр. дел, упоминает и о других, на которые и ссылается (см., напр., на с. 107 и 267 — Моск. архив Мин. юстиции или на с. 461 — архив моск. римско-катол. церкви ап. Петра и Павла).

** Конечно, можно было бы указать и на кое-какие пробелы, но с этой стороны, ввиду все-таки большой полноты, мы не станем рассматривать книги. Для примера, впрочем, отмечу пропуск на 4 с. издания полемики Рокиты с Иваном IV, сделанного Демьяновичем на основании рукописи XVI в., найденной в Холме.

не было обманчиво. С этой стороны труд г. Цветаева совершенно подходит под условие, выраженное во втором параграфе Высочайше утвержденных положений для присуждения Академией наук премии митрополита Макария: «премий преосвященного Макария могут быть удостаиваемы лишь *самостоятельные труды* и притом такие, которые *существенно обогащают науку*, внося в нее новые факты, наблюдения и воззрения». Целью дальнейшего разбора книги г. Цветаева будет определить, насколько те новые факты, наблюдения и воззрения, которые, несомненно, есть в этом исследовании, существенно обогащают науку: своими замечаниями об этой стороне труда г. Цветаева я желал точнее установить, какой премии оно заслуживает, полной или неполной.

II

Общий вопрос, лишь части которого посвящен труд г. Цветаева, представляет весьма значительный исторический интерес: вопрос этот — судьбы и роль западно-европейского протестантизма в до-петровской Руси, или «отношение протестантизма к России в XVI и XVII веках», как назвал свое широко задуманное исследование, вышедшее в свет тому назад семь лет, г. Иван Соколов, работавший в той же области, в которой производил свои изыскания и г. Цветаев. Первоначально, как мы видели, и наш автор предлагал написать историю протестантизма в России, но, нашедши, что «полная его история за названный период невозможна без предварительного исследования отдельных сторон его», ограничился «пока» лишь частью всего предмета: «чем пристальнее, — говорит он, — мы всматривались в избранный предмет, тем число таких вопросов становилось больше, и *неизбежность* монографического изложения их делалась осознательнее» (предисловие). Попытаемся ответить, ввиду таких заявлений автора, на два вопроса: во-первых, насколько верно то, что полная история протестантизма в России в XVI и XVII веках пока невозможна, и во-вторых, в каком отношении стоят результаты работы самого г. Цветаева к тому, что можно назвать в данном случае «полной историей».

Ответить на первый вопрос вполне точно — представляется мне затруднительным в том отношении, что автор нигде более определенным образом не поясняет, что именно разумеет он под полною историей, которую считает невозможна. Судя по общему характеру всей книги г. Цветаева, можно принять, однако, что полноту

он полагает не столько в том, чтобы обнять весь предмет со всех его сторон, сколько в том, чтобы сделать наше знание о нем как можно более полным в смысле обилия фактического материала. <...> Если в таком случае под полнотою следует разуметь чисто фактическую полноту, то, конечно, пока не будут приведены в известность *все* данные архивов, касающиеся предмета исследования г. Цветаева*, о полной истории протестантизма в России в XVI и XVII вв., т. е. о такой истории, которая вмещала бы в себе все относящиеся сюда факты, и речи быть не может. Другое дело — исследование того же предмета без погони за накоплением нового материала, каково бы ни было содержание последнего: тут и при наличном количестве фактов, по моему мнению, возможно было бы дать довольно полную историю протестантизма в России в XVI и XVII веках — в смысле всестороннего освещения предмета, в смысле более широкой постановки общего вопроса и возбуждения новых вопросов частных. Конечно, исследование г. Цветаева касается главным образом одной стороны предмета, а подобные вообще исследования имеют большую цену, и, ввиду такой задачи, весь вопрос заключается лишь в том, какие стороны предмета надлежало бы особенно подвергнуть более обстоятельному предварительному исследованию, ввиду пополнения новым фактическим материалом всего исследования предмета. Признавая, что при современном состоянии науки, т. е. при наличных изданиях источников и работах по данному предмету возможна научная работа вообще над историей протестантизма в России, хотя бы в смысле 1) постановки общего и частных вопросов, 2) классификации фактов по степени их важности и 3) возможности общих решений для поставленных вопросов, — признавая это, мы могли бы требовать от г. Цветаева, чтобы работа его была предпринята именно ввиду известных вопросов, намечаемых самим существом дела, а не являлась результатом более или менее случайного выбора той стороны предмета, на которой автор сосредоточил свое внимание. Не дав себе, как мне кажется, вполне ясного отчета о том, что главное, что самое важное, что самое интересное в истории протестантизма в России, в каких отношениях вслед-

* В этом отношении, разумеется, книге г. Цветаева далеко до полноты, и мы могли бы повторить хотя бы упрек, сделанный ему на диспуте в С.-Петербургской Духовной академии в том, что он не имел случая воспользоваться новыми, недавно открытыми материалами для истории иезуитской миссии в России в конце XVII в.

ствие этого должны находиться одни к другим различные стороны предмета, отдельные категории фактов, г. Цветаев не имел твердого критерия для определения, во-первых, того, что же должно составлять содержание его работы вне накопления, критической проверки и известного расположения фактов, а во-вторых, и того, в каком отношении должны находиться все эти факты к тому, что действительно можно было бы назвать полною историей протестантизма в России. Этим, думаю я, и объясняется тот факт, что г. Цветаев остановился на такой стороне общего вопроса, которая наименее имеет важности, так что даже еще более кропотливые изыскания в этой ограниченной области весьма мало могли бы прибавить чего-либо, бросающего свет на весь вопрос.

Весь вопрос, т. е., так сказать, центр его тяжести, — в отношениях протестантизма к той новой для него среде, которую он нашел в России. Полная его история есть история по возможности всех этих отношений или, по крайней мере, самых важных по своему культурному значению. Книга г. И. Соколова, о которой я упомянул, именно так ставит вопрос, и если в результате попытки этого автора получилось нечто очень неудачное*, то не вследствие недостатка в историческом материале, а вообще вследствие свойств самого лица, взявшегося за разрешение этой задачи. Материала, уже раньше бывшего в распоряжении науки, хватило для г. Соколова, и сам г. Цветаев пользуется далеко не одним архивным материалом, прямо даже ссылаясь на то, что обращался к разным изданиям и сочинениям, «которые мог иметь под рукою», и даже последними словами давая почувствовать свою неуверенность в том, что все напечатанное им исчерпано**. Не вдаваясь в разбор исполнения задачи у г. Соколова, а останавливаясь на самом замысле, мы видим, что материала этого хватало для ответов на вопросы о внешнем гражданском положении протестантов в России, о судьбе протестантской пропаганды у нас, о противодействии ей со стороны церкви и общества, об отношении этой пропаганды к русскому расколу, о влиянии протестантизма на развитие просвещения в России, на нравственное состояние

* На многие подстрочные примечания в книге г. Цветаева можно смотреть как на обстоятельную и беспощадную критику книги г. Соколова, впрочем, совершенно справедливую. См. с. 12, 22, 23–24, 29, 32, 87 69, 60, 90, 92, 114, 117, 128, 143, 259, 270 и др.

** Что это так, мы указали выше, обнаружив на одной из первых же страниц (4) книги пропуск указания на одно издание.

и церковную жизнь русского общества*. Конечно, и эту программу можно было бы еще развить в подробностях, если не дополнить еще и новыми чертами, да и самому г. Цветаеву приходится обо всем этом, — по крайней мере, иногда хоть вскользь — упоминать в своей работе, но раз он нашел нужным исследовать отдельные стороны предмета, то прежде всего можно возразить против того, что он сосредоточил все свое внимание на самой внешней стороне дела: его книга производит впечатление документальной истории постройки протестантских и католической церквей в Москве, около чего группируется и остальной материал большею частью столь же внешнего свойства.

В этом отношении для автора без всякого значения осталась упоминаемая им в предисловии статья «Протестанство в Польше и Литве», с которой, по собственным словам, он «ознакомился в интересах сравнительного изучения»: мы нарочно искали следов этого «сравнительного изучения» и убедились, что его нет ни малейшего следа, да это и понятно, так как сравнение могло бы явиться только при более широкой постановке вопроса. Кстати замечу здесь мимоходом, что один факт из истории польского протестантизма истолкован у г. Цветаева неверно. «На Быхавском реформатском соборе (1550 г.), говорит он на с. 3, было положено отправить в Москву из Польско-Литовского королевства двух миссионеров. Миссия явилась в 1570 г. в посольстве польского короля Сигизмунда-Августа». Это место, нужно полагать, основано на неверном понимании слов Венгерского, с переделкой имени собора (быхавский, вместо быхавский) и ошибкой в дате, а Венгерский говорит именно, что на быхавском соборе 1560 г. *«eliguntur ministri St. Vartensis et Nicolaus Zytno, qui publico ecclesiae sumptu, iter in Russiam capessaut, Ecclesias illic reformaturi»***: здесь речь идет не о Северо-Восточной Руси, которая у поляков Русью и не называлась, будучи для них Московией, а о Руси холмской, как полагает проф. Любович, говоря о пропагандировании кальвинизма в русских землях Люблинского округа***.

С другой стороны, против утверждения автора, будто у нас пока невозможна история одного иностранного исповедания, — обобщая

* Таково содержание первой части соч. г. Соколова, посвященной истории протестантизма в Московском государстве.

** Regenvolscius. *Systema historico-chronologicum ecclesiarum alavonicarum*, 134.

*** Любович. История Реформации в Польше. Варшава, 1883. С. 321.

под последним понятием обе главные формы протестантизма, — можно выставить вопрос, почему же оказалась возможна история другого иностранного исповедания, т. е. католицизма, если г. Цветаев во второй части своего труда делает в сущности только дополнения и кое-где мелкие фактические поправки к труду гр. Д. А. Толстого о «Римском католицизме в России». Возбуждает, на конец, недоумение и то обстоятельство, что автора изучение избранной им стороны протестантизма привело не к постановке вопросов о других его сторонах, а «к параллельному и одновременному, как он сам выражается, рассмотрению вопроса о построении в Москве первого католического костёла». Параллелизм тут, однако, чисто внешний, и это параллельное изучение не выясняет нам взаимных отношений между католицизмом и протестантизмом на чуждой им обоим почве Московского государства. У г. Цветаева, в сущности, под одним заглавием и в одной обложке мы находим две как бы отдельные книги: в первой из них рассказывается история постройки протестантских кирок в Москве, во второй — сооружения первого католического храма. Между тем вопрос о взаимных отношениях католицизма и протестантизма в Московском государстве весьма интересен и с точки зрения истории самих этих вероисповеданий, между которыми происходила борьба, и с точки зрения истории России, так как указанная борьба осложнялась у нас вопросом, какой культуре суждено было явиться цивилизующим элементом в России в готовившуюся «эпоху преобразований»*. Цветаеву постоянно приходится обращаться к обстоятельствам, сопровождавшим построение иноверческих храмов в Москве, и эти-то *побочные* по отношению к *главному* предмету книги обстоятельства и являются наиболее существенными фактами, будучи взяты сами по себе. Их в сочинении помещено немалое количество, что можно видеть хотя бы из сделанного выше обзора всей книги, но они не собраны вместе, а разбросаны по разным местам, так что автор и не пользуется ими для каких бы то ни было общих выводов. Оно и понятно, ввиду основного содержания книги, которым обусловливается и самое расположение материала, очень удобное для внешнего упорядочения отдельных фактов, но крайне непригодное для действительно сравнительного, параллельного, обобщающего

* См., напр., об этом соображения в статье г. Белова «Московские смуты в конце XVII в.» (Ж. М. Нар. Пр. 1887. I-II). Указываю по отд. изд. с. 4, 7, 8, 9, 10, 11, 82, 93.

изучения: автор отделяет протестантские кирки и их настоятелей от католических костёлов и ксендзов, а затем в каждой части следует строго хронологическому порядку, давая для деления на главы чисто внешние основания, а затем ставя рядом факты, связанные между собою лишь одною одновременностью, и не сближая фактов разновременных, но сродных между собою.

Иного порядка и не могло быть: он только показывает, до какой степени в труде г. Цветаева преобладает интерес к чисто внешним фактам построения иноверческих церквей и смены духовных лиц, т. е. к таким фактам, которые действительно лучше всего и укладываются в чисто хронологические рамки. Раз в весьма многих случаях важные вопросы из истории иностранных исповеданий в России вводятся в книгу в качестве относящихся к обстоятельствам, которые сопровождали построение храмов, то иногда в роли таких же обстоятельств являются факты, по существу не связанные даже с историей протестантизма или католицизма, а попавшие в сочинение г. Цветаева главным образом потому, что он находил их в своих источниках*. Для примера я укажу на одно только место. Говоря об одном из московских пасторов при царе Алексее Михайловиче, именно Грегори, г. Цветаев без особенной нужды на полутора страницах (174–175) распространяется о деятельности этого пастора при организации первого у нас придворного театра и поправляет проф. Тихонравова указанием на то, что первое представление «Артаксеркса действия» было не в ноябре, а в октябре 1672 г., и эти полторы страницы стоят между отделами, посвященными вещам, которые ничего общего с театром не имеют. Такие, если можно так выразиться, излишества появляются нередко в труде г. Цветаева вследствие его обыкновения заимствовать из того или другого источника если не все, что он дает, то по возможности как можно более, вследствие чего прямо относящееся к делу входит в изложение в сопровождении подробностей, без которых во многих случаях обойтись было бы гораздо лучше. Местами сочинение получает вследствие этого характер пересказа сырого материала, т. е. именно вследствие того, что автор слишком дорожит всем, что попадается ему под руку, — и точно желает весь имевшийся у него запас отдельных фактов без малейшего остатка перевести в свою книгу. Нельзя отрицать того, что запас этот очень велик

* Ср., напр., с. 186 sq., 349 sq., 402 и др. Иногда трудно даже выделить это «лишнее», мало идущее к делу.

и что отдельные факты проверены критически, но автор не произвел их сортировки, взял за основу своего изложения факты чисто внешнего свойства и со всеми их подробностями, иногда мелочными и, не внесши в свою работу объединяющей идеи, не сделал из своего материала исторических выводов общего свойства. Этот недостаток, недостаток в системе, прямо бросается в глаза при чтении книги, а по временам удивляешься, почему автор не выделяет из массы мелочных подробностей вещей, действительно крупных, не останавливается на них с большим вниманием, не освещает их значения: особенно я имею в виду те страницы, где, оставляя на время подробности, автор касается таких вопросов, как взаимные отношения иноверцев и русских (правительства, церкви и народа) или протестантов и католиков, тем более что собранные здесь факты и не всегда общеизвестны, и очень важны.

Мне кажется, что все это следует рассматривать как довольно серьезный недостаток книги г. Цветаева, указывающий на некоторую спешность, с какою он приводил в порядок собранный им материал. Оценивая его сочинение, мы должны принять в расчет как одно из его достоинств то, что автор написал свою книгу на основании уже ранее произведенных работ, появившихся в печати чуть не в течение десяти лет и отчасти вошедших в самую книгу, но нельзя не выразить сожаления о том, что он не подвел итоги под всеми своими работами в смысле более широких обобщений, которые были бы по отношению к ним не простою суммой, но их синтезом.

Полагая, что высшей награды может быть удостоено лишь вполне образцовое сочинение, которому нельзя было бы сделать серьезных упреков, но в то же время считая представленный в Академию труд г. Цветаева по всей справедливости заслуживающим премии, я, с своей стороны, нашел бы совершенно подходящим к этому труду присуждение его автору неполной премии митрополита Макария.

